

Это были очень личные, весьма откровенные послания, которые показывали Ивана Бунина «в халате». Так, кстати, назвал свою книгу Бахрах. Литературный гений предстал в моих глазах вовсе не «холодным, заносчивым аристократом», как рекомендовали его наши соотечественники, а чутким, добрым человеком, каким знали его близкие люди.

Я влюбился в образ Бунина — яркий, неотразимый, словно мы много лет дружили. Он смотрел на меня голубыми, чуть усталыми, умными глазами.

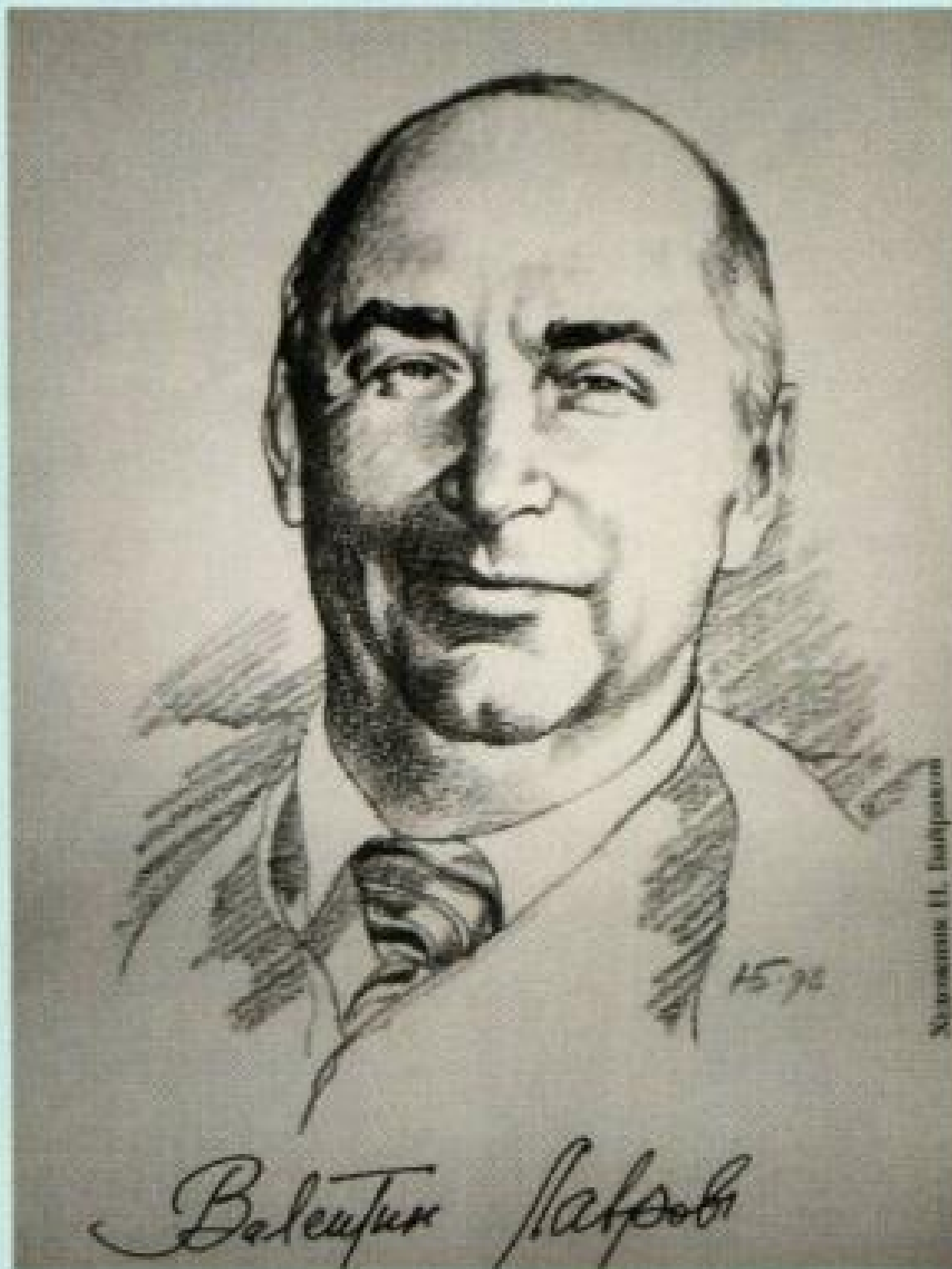
И тут, не иначе, вмешалось провидение. Один известный кинодраматург познакомил меня с Александром Полонским — тем, кто с младенчества бывал в доме Буниных, общался и с ним, и с Верой Николаевной.

Мне довелось стать его приятелем. Он скупал в Европе архивы эмигрантов и привозил их в нашу страну. Благодаря Александру Яковлевичу я получил порядка ста рукописей и писем Бунина, изданий с дарственными надписями — богатство невероятное, невысказанное.

СВОЙ: И тогда Вы взялись за роман-хронику...

Лавров: Не сразу. О некоторых упоминаемых в письмах персоналиях поначалу вообще ничего не было известно, либо мы знали их только по именам. Более пятнадцати лет я изо дня в день, с утра до ночи изучал эти материалы, доставал где только можно бунинские автографы, знакомился с архивом классика в Государственной библиотеке имени Ленина, работал в спецхранах.

Мне открывались черты совершенно необыкновенного человека. На основе тех прежде неизвестных в СССР материалов я опубликовал порядка полусотни статей, выступал на литературных вечерах с рассказом «Неизвестный Бунин». Меня заметил Анатолий Афанасьев, в конце 1980-х заведовав-

ший редакцией «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Именно он, к слову, большой знаток русской эмиграции, предложил написать книгу об Иване Алексеевиче.

Трудился я с упоением, не жалея сил, ежедневно корпел за письменным столом по десять-двенадцать часов. В 1989 году книга увидела свет, а ее общий тираж составил

250 000. Успех превзошел ожидания, «Холодную осень...», как ураганом, смело с прилавков.

Вскоре отменили цензуру. Теперь представилась счастливая возможность без умолчаний и экивоков рассказать о том круговороте событий, в который попал Бунин после прихода к власти большевиков. Замечу, в моем распоряжении оказалось немало не опубликованных ранее материалов. Я писал роман не только о Буине, но и о судьбах других представителей русской эмиграции.

СВОЙ: В нынешнем году исполняется 100 лет «Окаянным дням». Чем Вас привлекала эта книга?

Лавров: Произведение написано в форме дневника и начинается так: «Москва, 1918 г. 1 января (старого стиля). Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже, наверное, так». Последняя запись датируется двадцатым июня 1919-го (тоже по старому стилю), Бунин в то время находился в Одессе. Не думаю, что

